

DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-3

JEL Classification: O25, P13, Q18

Государственное управление и развитие российской инновационной системы

V.B. Volchik¹, E.V. Fursa¹, E.V. Maslyukova¹¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ

Аннотация. Эффективное государственное управление инновационной системой является сложной задачей, решению которой способствует качественный анализ состояния и развития институциональной среды, институциональных условий и инфраструктуры. Статья посвящена выявлению релевантных суждений о значимых для развития инноваций практиках, рутинных и институтах на основе комплексного исследования нарративов акторов инновационной системы (предпринимателей, акторов академической сферы, государства). В качестве методологического фундамента использовалась оригинальная институциональная экономическая теория и нарративная экономика. Эмпирическую базу составили нарративы акторов, отобранные целевым способом из 43 рейтинговых источников средств массовой информации, журналов, интернет-ресурсов, содержащихся в электронной базе данных периодических источников информации «Интегрум». Отбор источников осуществлялся с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медialogия». Исследуемый период – с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г. Выявлены пять «провалов» государственного управления, оказывающих негативное воздействие на функционирование российской инновационной системы: 1) зависимость от траектории предшествующего развития в определении приоритетных направлений науки, технологий и техники; 2) создание «искусственной конкуренции» за административные монополии (финансовые и управленческие ресурсы); 3) «зарегулированность» рынка инноваций и чрезмерный бюрократизм; 4) несогласованная и дисперсная модель управления; 5) низкая скорость реализации инновационных проектов. Сделан вывод о необходимости рассмотрения альтернативных направлений развития науки, технологий и техники в соответствии с актуальными направлениями инновационной деятельности на мировом инновационном рынке.

Ключевые слова: государственное управление; национальная инновационная система; российская инновационная система; институциональная среда; нарративная экономика.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562 «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» (<https://rscf.ru/project/21-18-00562/>).

Дата поступления статьи: 28 августа 2021 г.

Ссылка для цитирования: Вольчик В.В., Фурса Е.В., Маслюкова Е.В. (2021). Государственное управление и развитие российской инновационной системы // Управленец. Т. 12, № 5. С. 32–49. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-3.

Public administration and development of the Russian innovation system

Vyacheslav V. Volchik¹, Elena V. Fursa¹, Elena V. Maslyukova¹¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Effective public administration of the innovation system is a complex task that can be resolved through qualitative analysis of institutional arrangement, institutional environment and infrastructure. The article aims to identify relevant judgments about the rules, routines and institutions that are of key importance for the innovative development. The authors rely on the narrative analysis when dealing with the discourses of the innovation system's actors (entrepreneurs, scholars, and public authorities). Methodologically, the study rests on original institutional economics and narrative economics. The targeted sample includes the narratives of actors from 43 ranking sources of mass media, magazines, and online resources provided by the Integrum electronic database. The ranking sources were selected using the Medialogia analytical system. The research timeframe covers the period from January 1, 2010 to July 1, 2021. We identified five "failures" of public administration, which had a negative impact on the functioning of the Russian innovation system: 1) path dependence in determining the priority areas of research and technological development; 2) the rise of "artificial competition" for administrative monopolies (financial and managerial resources); 3) overregulation of the market for innovations and excessive bureaucracy; 4) inconsistent and dispersed management model; 5) low speed of implementation of innovative projects. The research findings prove the necessity for alternative directions for the development of research and technologies in the context of the global innovation market.

Keywords: public administration; national innovation system; Russian innovation system; institutional arrangement; narrative economics.

Funding: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562, "Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics" (<https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/>).

Paper submitted: August 28, 2021

For citation: Volchik V.V., Fursa E.V., Maslyukova E.V. (2021). Public administration and development of the Russian innovation system. *Upravlenets – The Manager*, vol. 12, no. 5, pp. 32–49. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-3.

ВВЕДЕНИЕ

В современных экономических порядках важнейшая роль в создании развитой и продуктивной национальной инновационной системы принадлежит политике государства. Выработка такой политики является очень сложной задачей, так как должна учитывать особенности институциональной среды. Поэтому анализ государственной политики и управления инновациями сопряжен с последовательным изучением институтов и организаций, составляющих национальную инновационную систему и влияющих на ее функционирование.

В российских условиях явно выражен эффект, который можно обозначить как «институциональный нигилизм». Этот эффект проявляется в том, что при осуществлении реформ и проведении политики в сфере инноваций создается такое количество некомплементарных норм и институтов, что акторы не могут эффективно менять свое поведение без значительных издержек. В этом случае оппортунистическое поведение может быть адаптивной реакцией, позволяющей экономить на трансакционных издержках. Подобная ситуация хорошо описана по отношению к российской академической сфере Лореном Грэхемом: «Предприниматели, профессура университетов, государственные служащие – все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» [Грэхэм, 2014, с. 174].

Для российской инновационной системы важнейшей проблемой долгое время остается разрыв между созданием технологических и научных инноваций и их внедрением в широкое промышленное производство. В частности, это связано с институциональной инерцией в развитии предпринимательства. Из-за неоднократных периодов нестабильности российские предприниматели часто ориентированы на краткосрочные цели или тесно связаны с властными структурами, что не способствует «созидательному разрушению» – широко распространенному в эволюционной экономике принципу реализации инновационной предпринимательской функции [Nelson, 2018].

В рыночной экономике создание и внедрение инноваций соотносится прежде всего с предпринимательской деятельностью. Именно предприниматели формируют спрос на технологические инновации, которые могут быть использованы в создании новых рыночных продуктов. Сама же предпринимательская деятельность непосредственно сопряжена с бизнес-инновациями. Предпринимательство также связано с конкуренцией, которая в традиции Ф. Хайека рассматривается как процедура открытия нового знания [Найек, 2002]. В академической сфере предпринимательская конкуренция заменяется конкуренцией идей, однако именно предпринимательские решения связаны с формированием институциональной среды, содействующей внедрению научных разработок.

В случаях, когда институциональная структура не способствует конкуренции и классическому инновационному предпринимательству, предприниматели, а следовательно, и акторы академической сферы начинают соперничать за другие виды монопольной власти, позволяющей получить различные административные преференции, вытекающие из политики государства в области бизнеса и научно-технологических инноваций. Поэтому при анализе особенностей государственного управления российской инновационной системой (РИС) мы должны, с одной стороны, учесть опыт теоретического осмысления закономерностей ее развития, а с другой – обратиться к источникам, которые дали бы релевантную информацию о существующих нормах и институтах, используемых акторами при осуществлении повторяющихся взаимодействий в сфере создания и внедрения инноваций.

В российской науке рассматриваемая проблематика наиболее глубоко разрабатывается группой О.Г. Голиченко, который понимает современную национальную инновационную систему как «совокупность национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению, распространению и использованию знаний и технологий» [Голиченко, 2014, с. 41]. Согласно данной концепции зрелая инновационная система рассматривается через призму инновационного развития экономики, потребности которого определяют и стимулируют важнейшие направления развития инновационной деятельности [Голиченко, 2014, с. 42].

Вместе с тем в условиях фундаментальной неопределенности и значительной динамичности, присущей инновационной деятельности, на практике постоянно возникают ситуации, когда развитие технологий сдерживается более инертными институтами. В рамках оригинального институционализма данная проблема давно исследуется согласно дихотомии Веблена – Эйрса, где институциональные изменения анализируются в контексте противоречий между инструментальными и церемониальными ценностями [Bush, 1987; Elsner, 2012; Maslov, Volchik, 2014]. Асинхронность трансформации институтов и технологий также может рассматриваться наряду с провалами регулирования, связанными с запаздыванием или нерелевантностью мер экономической политики по отношению к вызовам в адрес национальной инновационной системы.

Большое влияние на инновационную деятельность оказывают также различные режимы корпоративной собственности. Так, вопреки устоявшемуся мнению, согласно которому компании с доминирующими институциональными инвесторами ориентированы на краткосрочные показатели, на примере эконометрических моделей, построенных на данных о деятельности американских корпораций, было показано, что институциональная собственность положительно

влияет на инновационные процессы [Aghion, Van Reenen, Zingales, 2013]. Заслуживают внимания исследования инновационных процессов в зависимости от форм собственности стартапов и фирм, внедряющих инновации. Например, М. Маццукато демонстрирует значимость государственного участия и государственной собственности в инновационных процессах и развитии национальной инновационной системы [Mazzucato, 2013].

Государство может стать ключевым катализатором и инвестором в инновационной сфере, оно способно брать на себя риск и создавать тесную взаимосвязь между акторами инновационной деятельности. В национальной инновационной системе государство играет стратегическую «визионерскую» роль: оно не только решает проблемы «провалов» рынка в случае нежелания частных компаний инвестировать в определенные сегменты рынка, но и поддерживает компании на пути коммерциализации, выступает проводником инноваций для частного сектора [Маццукато, 2021b].

В плане разработки различных адаптивных стратегий инновационной политики важно учитывать субъективное понимание акторами проблем развития национальной инновационной системы. Здесь можно отталкиваться от конструктивистского подхода в духе П. Бергера и Т. Лукмана: «Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Интернализируя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя... Институты представлены и другим образом. Их лингвистические объективации – от самых простых вербальных названий до весьма сложных символических обозначений реальности – также представляют их (то есть делают их присутствующими) в опыте. Они могут быть представлены и физически объектами – как естественными, так и искусственными... Репрезентация института в ролях и посредством ролей есть, таким образом, репрезентация *par excellence*, от которой зависят все другие репрезентации» [Бергер, Лукман, 1995, с. 123–125].

Цель исследования – выявление на основе использования методов нарративного анализа особенностей институциональной среды и «провалов» государственного управления, препятствующих эффективно развитию российской инновационной системы.

К задачам исследования относятся анализ нарративов акторов РИС (науки, бизнеса, государства); исследование особенностей функционирования институтов и организаций, влияющих на развитие инноваций; анализ специфики государственного управления инновационной системой, сопровождаемый иллюстративным материалом нарративов акторов.

ГОСУДАРСТВО И ИННОВАЦИИ

В большинстве современных исследований, касающихся зарождения и развития инновационной дея-

тельности, почти нет упоминаний о коллективных и кумулятивных процессах, стоящих за инновациями. Как отмечает М. Маццукато, инновации редко появляются в изоляции. Они имеют кумулятивную природу возникновения и являются результатом не только ранее вложенных инвестиций, но и итогом упорной работы различных исследователей, которая может длиться десятилетиями [Маццукато, 2021a, с. 274–276].

Так, например, инновации в области персональных компьютеров были изначально инициированы правительством США в 1950–1960-х гг. через инвестиции в исследования полупроводников и их потенциал в передаче электроэнергии. Одним из ключевых акторов в развитии Кремниевой долины было Управление перспективных исследовательских проектов (Darpa) при Министерстве обороны США. Технология GPS финансировалась Военно-морским флотом США, а тачскрин-дисплей – ЦРУ. Компания Xerox Parc, получающая значительные объемы государственного финансирования, вкладывала инвестиции в развитие графического пользовательского интерфейса, который впоследствии С. Джобс использовал при производстве компьютера Macintosh компании Apple. Основываясь на эмпирических данных, М. Маццукато [2021a, с. 274–276] отмечает, что именно государство сыграло и продолжает играть значимую роль в развитии Интернета, компьютерных технологий, фармацевтической и биотехнологической промышленности, сферы нанотехнологий и др.

Зарубежный опыт построения национальных инновационных систем отражает мировую тенденцию привлечения государства к формированию и совершенствованию инновационной деятельности. Так, например, в таких странах, как Китай, Израиль, Германия, Бразилия, государство осуществляет не только регуляторную функцию рынка при реализации инновационной политики, но и непосредственно создает, внедряет и развивает инновации [Винслав, 2019, с. 6–9; Маццукато, 2021b, с. 31–32].

В России государство также играет ключевую роль в развитии национальной инновационной системы. Так, например, доля государственных средств в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки колеблется в пределах 70 % (66,3 % в 2019 г.)¹. Кроме того, большая часть этих средств финансируется из федерального бюджета (80,1 %), а доля финансовых средств предпринимательского сектора во внутренних затратах на исследования и разработки достигает только 30 % (30,2 % в 2019 г.)².

¹ Наука. Технологии. Инновации: 2021: краткий статистический сборник / под общей редакцией Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьмина. С. 41. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/434038028.pdf>.

² Наука. Технологии. Инновации: 2021: краткий статистический сборник. С. 41. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/434038028.pdf>.

Опыт зарубежных стран показывает, что развитие инноваций, особенно на начальной стадии их формирования, не может осуществляться без государственной поддержки. У российского правительства есть возможности не только преодолеть провалы рынка в инновационной сфере, но и выступить главным катализатором инновационной деятельности. Однако, несмотря на то, что государственные средства являются самым крупным источником финансирования науки и технологий, эффект от их реализации остается достаточно скромным на фоне стран – лидеров в области инноваций.

Согласно Глобальному инновационному индексу, который характеризует уровень развития национальных инновационных систем, Россия в 2020 г. находилась на 47-м месте среди 131 страны¹. Данную позицию российское государство сохраняет с 2014 г. (49-е место), что свидетельствует о стагнации и отсутствии позитивных изменений в развитии РИС. С одной стороны, эта система имеет некоторые преимущества и демонстрирует научные и технические достижения, унаследованные от советской модели образования и науки. Например, в 2019 г. по численности персонала, занятого исследованиями и разработками, Россия занимала 4-е место, по численности исследователей – 6-е место, по внутренним затратам на исследования и разработки – 9-е место и др.² С другой стороны, высокий ресурсный уровень инноваций не находит должного воплощения в указанной системе и характеризуется низкой результативностью инновационной деятельности. Как показывает Глобальный инновационный индекс, к слабым сторонам развития российской инновационной системы относятся: низкая эффективность институтов (71-е место в рейтинге)³, административные барьеры и неэффективное государственное управление инновационной деятельностью и др.

О состоянии стагнации в рассматриваемой сфере свидетельствуют также итоговые результаты программ, реализуемых российским правительством. В 2011 г. в России была принята Стратегия инновационного развития до 2020 года, которая предполагала достижение 45 ключевых показателей эффективности (КПЭ). Но в докладе о реализации отраслевых документов стратегического планирования России за 2019 год указывается, что в Стратегии инновационного развития до 2020 года детальной информации

о выполнении мероприятий не было представлено и оценить степень реализации стратегии не представляется возможным⁴. Как отмечают российские эксперты, большая часть количественных показателей не была достигнута [Петровская, Щекина, 2018]. Например, расходы на исследования к 2020 г. составили только 1,1 % ВВП (плановый показатель Стратегии – 3 % к 2020 г.), доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров в 2019 г. – 5,3 % (плановый показатель Стратегии – 25 %), доля предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, – 9,4 % (план – 40–50 %) [Медовников, 2020].

Следует констатировать, что инновационный потенциал в России, несмотря на все усилия со стороны государства по созданию инновационной системы, пока не стал ресурсом для дальнейшего развития экономики. Кроме того, в ближайшие годы не следует ожидать роста инновационной активности компаний. Согласно данным опроса НИУ ВШЭ, доля организаций, планирующих инновационную деятельность в ближайшие 3 года, составит только 10 %⁵.

Можно сделать вывод о том, что к настоящему моменту в России сформировалась неэффективная государственная модель управления инновационными процессами. Государство играет двойственную роль в развитии инновационной системы: с одной стороны, оно пытается стимулировать инновационную деятельность (создание инновационной инфраструктуры, технопарков и технополисов, финансирование и административная поддержка и др.), с другой стороны, создает экономические, административные барьеры для функционирования указанной системы и формирования конкурентной среды.

Как известно, одним из главных факторов, стимулирующих развитие инноваций, является конкуренция, которая побуждает компании улучшать технологический уровень производства и качество продукции, снижать издержки и получать дополнительную прибыль [Друкер, 2009]. В России большинство компаний не заинтересованы в инновациях из-за высоких рисков, неразвитой конкурентной среды, малодоступности кредитов, длительной окупаемости инвестиций и др. Со стороны российской науки также нет ответного стремления к активному взаимодействию с бизнесом. В этом случае, когда отсутствует конкуренция и экономическая система не формирует внутренний спрос,

¹ Global innovation index 2020. Who will finance innovation. Cornell University, INSEAD, and World Intellectual Property Organization, 2020. P. 315. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf.

² Наука. Технологии. Инновации: 2021: краткий статистический сборник. С. 41. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/434038028.pdf>

³ Global innovation index 2020. Who will finance innovation. Cornell University, INSEAD, and World Intellectual Property Organization, 2020. P. 315. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf.

⁴ Доклад о реализации отраслевых документов стратегического планирования России по вопросам, находящимся в ведении Правительства РФ, за 2019 год. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_realizacii_otraslevykh_dokumentov_strategicheskogo_planirovaniya_rossii_po_voprosam_nahodyashchimsya_v_vedenii_pravitelstva_rf_za_2019_god.html.

⁵ Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. С. 10. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/465578843.pdf>.

стимулы к инновационной деятельности могут иметь только внешний характер, порождаемые заинтересованностью государства в их развитии [Тамбовцев, 2018].

В этих условиях очень важно проводить эффективное государственное управление инновационной системой, которое подразумевает разработку и реализацию совокупности методов и механизмов по управлению инновациями на этапах их создания, коммерциализации и освоения. Необходимо развитие специфических форм управления в сфере инновационных процессов, которое предусматривает взаимосогласованность между экономическими институтами и акторами инновационной деятельности (наукой, бизнесом, государством). Отметим, что конструирование РИС должно отражать не только эффективное государственное управление, но и построение развитой, благоприятной институциональной среды.

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ: МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Теоретическая рамка нарративной экономики используется в данной работе для идентификации релевантных для акторов объяснений проблем, вопросов и субъективных норм, связанных с развитием российской инновационной системы. С помощью исследования нарративов и дискурсов акторов можно дополнить стандартное моделирование в экономике [Shiller, 2020], в частности моделирование инновационных систем. В традиции Р. Шиллера нарратив в рамках данного научного направления рассматривается как «... рассказывание истории, которое придает ей смысл и значимость и зачастую направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравнен с историей (story), нарратив может стать интерпретацией происходящих событий» [Shiller, 2019, p. 477]. Таким образом, нарративный подход Р. Шиллера объединяет в себе области экономики, антропологии, психологии и литературоведения и представляет собой методологию переопределения знаний в экономике: до сих пор знания в экономике понимались в основном в терминах теорий и данных; роль повествования недооценивалась [Banerjee, Zlatkin-Troitschanskaia, Roepel, 2020]. «Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» [Shiller, 2019, p. 477].

Нарративы являются мощными «векторами действий» для экономических субъектов [Paugam, Stolowy, Gendron, 2021]. Они не обязательно должны быть правдивыми (с объективной точки зрения), но должны соответствовать среднему уровню знаний населения [Freitas, 2021]. Различные мнения возникают из принципиально разных интерпретаций реальности, которые принимают форму конкурирующих нарративов в борьбе за общественное мнение [Eliasz, Spiegler, 2020]. Через нарративы происходит осмысле-

ние и структурирование социальных взаимодействий, воспринимаемых акторами через «категории впечатлений» (dramatic categories) [Searle, 1995, с. 134–135]. Яркость таких впечатлений и их соотнесенность с опытом значительного числа акторов приводят к тому, что истории становятся «вирусными» и воспринимаются в социальной среде через призму моральных установок и субъективных норм.

Методология нарративного анализа является предметом научного интереса многих исследователей (см., например: [Beckert, Bronk, 2018; Lejano, Nero, 2020; Sacco, 2020]). Нарративы могут быть также использованы для изучения процессов принятия решений финансирующими организациями [Laufer, Jones, 2021], понимания структурных экономических проблем и экономической политики [Herrmann-Pillath, Bau Macedo, 2019; Alves, Kvangraven, 2020], экономических циклов [Larsen, Thorsrud, 2018], анализа социальных условий, способствующих росту частных инвестиций в киберспорт [Newman et al., 2020], описания климатических рисков [Jack et al., 2020] и др. А. А. Дамодаран показывает важность нарративов в оценке бизнеса и инвестировании [Damodaran, 2017]. Кроме того, особую популярность для институционального анализа приобретают аналитические нарративы (Analytic Narratives) – тематические исследования исторических событий и/или институтов, которые формируются путем сочетания нарративного метода, характерного для исторических и историографических работ, с аналитическими инструментами, традиционно используемыми в экономике и политологии, особенно теорией игр [Hédoïn, 2020].

Статистические отчеты, а также исследования российских и зарубежных авторов свидетельствуют о проблемах государственного управления российской инновационной системой. Для анализа РИС использовался синтез подходов оригинальной институциональной экономической теории и нарративной экономической теории, включающий последовательное изучение институтов, правил, рутин, которые значимо влияют на развитие инноваций. Благодаря методам нарративной экономики, направленным на идентификацию релевантных для акторов объяснений проблем, моральных устоев и субъективных норм, были выявлены и проанализированы пять основных «провалов» государственного управления, препятствующих эффективному развитию российской инновационной системы.

Основой для изучения нарративов послужили 43 рейтинговых источника средств массовой информации, журналов, интернет-ресурсов, содержащихся в электронной базе данных периодических источников информации «Интегрум». Отбор источников осуществлялся с помощью системы мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия»¹.

¹ Федеральные СМИ: 2020 год // Медиалогия. <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/8058/>.

Нарративы акторов, принимающих непосредственное участие в инновационной деятельности, за период с 1 января 2010 г. по 1 июля 2021 г. были отобраны целевым способом из «Интерфакс» и представляют собой иллюстративный материал для изучения «правов» государственного управления РИС.

Кроме того, авторы дополнительно проанализировали количество упоминаний двух словосочетаний, непосредственно относящихся к изучаемой проблеме: «инновационная политика» и «управление инновациями» (рис. 1). Ресурсы электронной базы данных «Интерфакс» позволили провести этот анализ по всем источникам СМИ (53 000 журналов, газет, интернет-ресурсов), которые содержатся в этой базе, за период с января 1990 г. по июль 2021 г. В свете последних достижений в области экономического нарративного анализа мы разрабатываем метод компьютерного текстового анализа для изучения экономической истории. В рамках использования этого метода мы собираем повествовательные данные из газет для измерения экономических тенденций. Популярность (частота) нарратива (ключевого слова) в СМИ служит показателем объема экономической деятельности, связанной с данным термином: высокая частота указывает на большой объем соответствующей экономической активности, и наоборот [Hsu, Yu, Chen, 2021].

Упоминания понятий «инновационная политика» и «управление инновациями» формируют специфический инновационный дискурс, который развивается в информационной среде и оказывает влияние на восприятие людьми происходящих инновационных процессов. Средства массовой информации являются проводником этого дискурса и инструментов распространения сведений о новом социальном порядке.

С 1990 по 2010 г. словосочетания «инновационная политика» и «управление инновациями» либо вообще не упоминались, либо упоминались очень редко. В связи с этим на рис. 1 мы отобрали динамику упоминаний этих словосочетаний начиная с 2010-х гг.

Именно в этот период начинается активное обсуждение инновационной политики, связанное с созданием технопарка «Сколково» и других институтов инновационного развития. Количество упоминаний увеличивается с каждым годом и отображает действия государства по созданию РИС. Кроме того, в 2011 г. была принята Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Следующий скачок упоминаний понятия «инновационная политика» в СМИ в 2014–2015 гг. был связан с введением антироссийских санкций со стороны ЕС и США, что актуализировало политику импортозамещения и на этом фоне повысило интерес к поддержке и развитию приоритетных направлений науки, технологий и техники.

Словосочетание «управление инновациями» встречается в текстах гораздо реже, чем «инновационная политика», и в некоторой степени отражает позицию правительства в отношении управления инновационными процессами. Государство в инновационном дискурсе продвигает реализацию инновационной политики, однако о непосредственных процессах управления, механизмах, условиях, а также ответственных за реализацию стратегии инновационного развития говорится очень мало.

Анализ интенсивности запросов в различных поисковых системах можно рассматривать как инструмент выявления направлений и динамики распространения нарративов в сети Интернет. Статистика Google позволяет определить динамику поисковых запросов пользователей начиная с 2004 г. Сервис Trends Google рассчитывает балльную оценку динамики популярности поисковых запросов в пределах от 0 до 100, где 100 баллов означает наивысший уровень популярности, 50 – уровень популярности, вдвое меньший по сравнению с первым случаем, и т. д. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе¹. Как показывает анализ,

¹ <https://trends.google.com>.

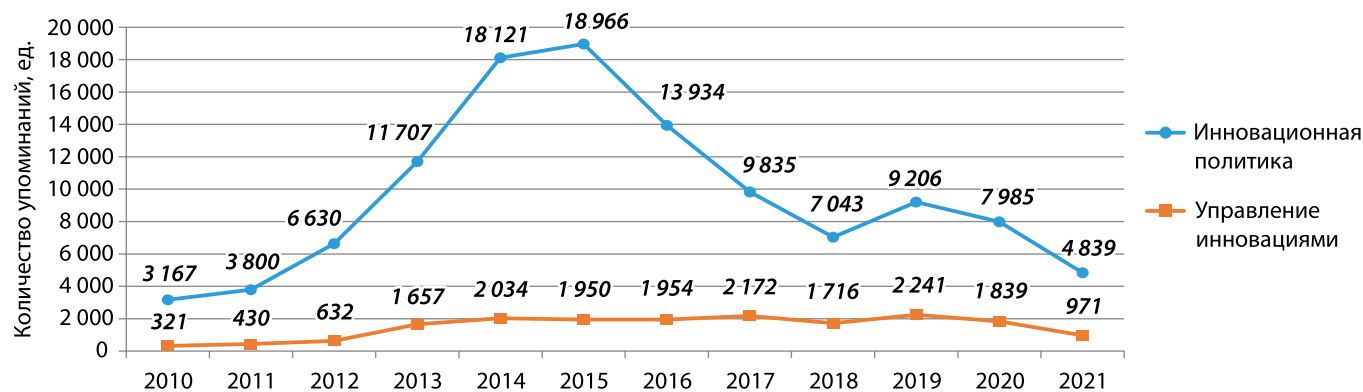

Рис. 1. Динамика упоминаний терминов «инновационная политика» и «управление инновациями» в СМИ²

Fig. 1. Dynamics of referencing the keywords “innovation policy” and “innovation management” in the mass media

² Источник данных: Информационное агентство «Интерфакс». <https://www.interfax.ru/>.

в 2010–2020 гг. запросы «инновационная политика» и «управление инновациями» по региону Россия были непопулярными, о чем свидетельствуют нулевые балльные оценки. Запрос «инновационная политика» получал максимальную оценку в 100 баллов только в июне 2010 г. (рис. 2).

«ПРОВАЛЫ» ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ

На основе анализа нарративов были выявлены «провалы» государственного управления, оказывающие негативное воздействие на функционирование РИС (рис. 3).

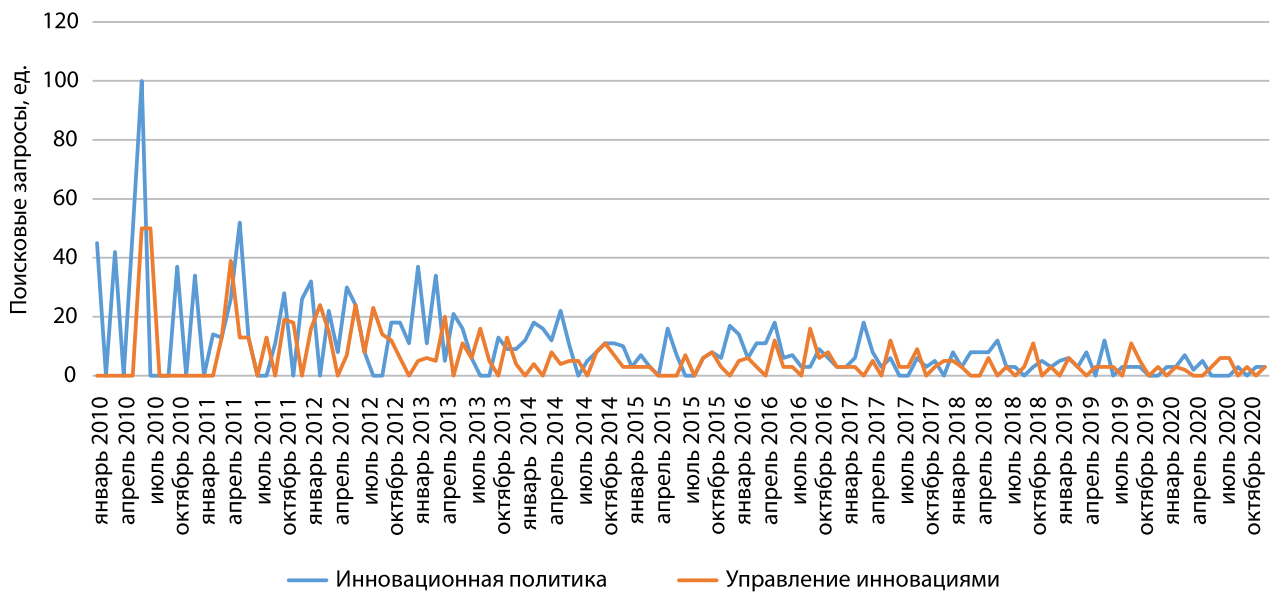

Рис. 2. Динамика поисковых запросов по словосочетаниям «инновационная политика» и «управление инновациями» в Google¹

Fig. 2. Dynamics of search queries by the keywords “innovation policy” and “innovation management” in Google

Рис. 3. «Провалы» государственного управления российской инновационной системой

Fig. 3. “Failures” of public administration in the Russian innovation system management

¹ Источник данных: Trends Google. <https://trends.google.com>.

К ним относятся:

- зависимость от траектории предшествующего развития в определении приоритетных направлений науки, технологий и техники;
- создание «искусственной конкуренции» за административные монополии (финансовые и управленческие ресурсы);
- «зарегулированность» рынка инноваций и чрезмерный бюрократизм;
- несогласованная и дисперсная модель управления;
- низкая скорость реализации инновационных проектов.

При формировании эффективной национальной инновационной системы особое значение имеют правильно поставленная цель государственного управления и определение актуальных направлений развития инноваций исходя из потребностей общества и бизнеса. От того, какие приоритетные направления науки, технологий и техники будут выбраны, зависит дальнейшее развитие и конкурентоспособность России на мировом рынке инноваций. Именно эту проблему отмечают в своих нарративах большинство представителей науки и бизнеса: «самым слабым звеном российского R&D по-прежнему остается «советская болезнь» – оторванность разработчиков от реальных потребностей рынков, из-за чего накопившиеся за прошедшие десятилетия огромные заделы НИОКР коммерциализируются с огромным трудом и во многом остаются невостребованными» [Грязневич, 2021].

Первый перечень приоритетных направлений науки и техники, утвержденный правительством России, появился в 1994 г. и просуществовал до 1996 г. [Дежина, 2006, с. 65]. Новый список приоритетных направлений был утвержден постановлением Правительства РФ в ноябре 1996 г. и включал 7 приоритетных направлений и 70 критических технологий с учетом советского технологического наследия (космос, во-

оружие и т. д.)¹. Однако, как отмечают специалисты, из-за недостатка бюджетного финансирования не было возможности реализовать все декларируемые приоритетные направления и критические технологии, поэтому в 2002 г. правительство разработало и утвердило новый перечень, содержащий 9 приоритетных направлений и 52 критические технологии, которые почти не менялись, отражая в большей степени интересы и лоббирование научных организаций [Дежина, 2006]. Интересы потребительского сектора не принимались во внимание.

Последующие корректировки перечня приоритетных направлений развития науки, технологий и техники проводились в 2006, 2011 и 2015 гг. Среди изменений следует отметить объединение космических и авиационных технологий с транспортными технологиями (2006 г.), появление таких новых направлений, как безопасность и противодействие терроризму (2006 г.) и робототехнические комплексы военного, специального и двойного назначения (2015 г.)². Таким образом, несмотря на то, что список приоритетных направлений развития науки, технологий и техники менялся 5 раз в течение 25 лет, в основном он повторялся и имел всеобъемлющий характер – от исследований в военном секторе до рационального природопользования, а также объединял разномасштабные проблемы (см. таблицу).

¹ Об утверждении федеральной целевой научно-технической программы на 1996–2000 годы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники гражданского назначения»: постановление Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1414. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=20589>.

² Перечень критических технологий Российской Федерации, утвержденный Президентом РФ 21 мая 2006 г. (№ Пр-842). <http://base.garant.ru/197876/>; О национальном центре развития технологий и базовых элементов робототехники: Указ Президента Российской Федерации от 16.12.2015 № 623. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102149065&backlink=1&nd=102384009>.

*Изменение приоритетных направлений науки, технологий и техники в России, 1996–2015
Shifts in the priority areas of research and technology in Russia in 1996–2015*

1996	2002	2006	2011	2015
–	–	Безопасность и противодействие терроризму		
Новые материалы и химические продукты	Новые материалы и химические технологии	Индустрия наносистем и материалов	Индустрия наносистем	
Информационные технологии и электроника	Информационно-телекоммуникационные технологии и электроника	Информационно-телекоммуникационные системы		
Производственные технологии		–	–	–
Технологии живых систем		Живые системы	Науки о жизни	
–	Перспективные вооружения, военная и специальная техника		Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники	
Экология и рациональное природопользование		Рациональное природопользование		

Окончание таблицы
Table (concluded)

1996	2002	2006	2011	2015
–	–	–	–	Робототехнические комплексы (системы) военного, специального и двойного назначения
Транспорт	Космические и авиационные технологии	Транспортные, авиационные и космические системы	Транспортные и космические системы	
–	Новые транспортные технологии	–	–	–
Топливо и энергетика	Энергосберегающие технологии	Энергетика и энергосбережение	Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика	

Одной из особенностей составления перечня приоритетных направлений развития науки, технологий и техники является практически полное игнорирование потребностей и интересов бизнеса. В процессе разработки, формирования и корректировки приоритетных направлений и критических технологий принимали участие в основном Минобрнауки России, различные ведомства, научные и образовательные учреждения, государственные академии наук и государственные корпорации [Клыпин, Калюжный, 2015, с. 22].

Вместе с тем именно бизнес в большей степени формирует внутренний и внешний спрос на инновации и осведомлен о замещении российской продукции импортными аналогами. К формированию указанного перечня необходимо активно привлекать в качестве экспертов и аналитиков не только представителей крупных высокотехнологических компаний, но и руководителей малого и среднего бизнеса. В противном случае в России будет продолжаться зависимость от траектории предшествующего развития в определении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники согласно интересам оборонно-промышленного комплекса, освоения космоса, авиации, государственных корпораций и др.

Оторванность реального бизнеса от выбора приоритетных направлений инновационного развития приводит к тому, что в условиях нехватки финансовых ресурсов предприниматели вынуждены заниматься не наиболее конкурентоспособными и востребованными на рынке новшествами, а направлениями, для которых предусмотрены государственное финансирование и административная поддержка. Это может снижать мотивацию предпринимателей к инновационной деятельности и препятствовать формированию спроса на инновационную продукцию, а также развитию в РИС конкурентной среды.

В исследовании, посвященном научно-технологическим приоритетам в России, А.В. Клыпин и К.А. Калюжный отмечают также другие проблемы российской приоритизации направлений развития науки, технологий и техники: отсутствие наукометрического

мониторинга и контроля за реализацией целей научно-технологической сферы; отсутствие социально-гуманитарных направлений в перечне приоритетов; предвзятость и субъективность экспертного мнения; слабая связь приоритетных направлений с внешне-экономическими вызовами [Клыпин, Калюжный, 2015, с. 26–30].

Следует также отметить, что критерии выбора приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в России отличаются от критериев, которые используются зарубежными странами-лидерами, ориентирующимися прежде всего на рыночный спрос и потребности общества. «Научная специализация России в целом практически не меняется уже долгие годы. Недостаточно развитыми по глобальным меркам остаются общественные науки и науки о жизни (биология и биохимия, молекулярная и микробиология, нейронауки и поведенческие науки, клиническая медицина, экология, науки о растениях и животных, сельскохозяйственные науки), которые в структуре российских научных публикаций занимают довольно скромные позиции» [Гохберг, 2020].

В настоящий момент страны – лидеры в сфере инноваций, такие как США, Китай, Япония, Великобритания, Израиль, пересматривают приоритеты финансирования национальных исследований. Они разрабатывают программы и механизмы поддержки трансформационных исследований, сформировавшихся на стыке фундаментальных, индустриальных и прикладных работ [Дежина, Пономарев, 2020]. Трансформационными считаются исследования, в которых «решение фундаментальной проблемы направлено на практические, трансформирующие социально-экономическую систему цели» [Дежина, Пономарев, 2020, с. 31]. Таким образом, подобные исследования предусматривают удовлетворение общественных потребностей, ориентацию на рыночный спрос, реформирование существующих государственных агентств и акцентирование мер по кооперации с индустрией. Идея их финансирования не нова – по сути, она представляет собой возврат к модели 20-летней давности HIBAR

(Highly Integrative Basic and Responsive), или «квадрант Пастера», которая предполагает финансирование и развитие высокоинтегрированных фундаментальных и отвечающих на вызовы исследований, но на новом уровне осмысления [Дежина, Пономарев, 2020, с. 31]. Так, например, в частном секторе США появилась тенденция к восстановлению научных лабораторий, занимающихся указанными исследованиями (пример компаний Google, Facebook).

В России, как отмечают эксперты в сфере инноваций, также есть потенциал для развития трансформационных исследований, который может быть реализован средними частными технологическими компаниями, не являющимися главными получателями финансовой поддержки от государства [Дежина, Пономарев, 2020]. Эти компании, всего примерно 400, представлены в ежегодном национальном рейтинге российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспех». Следует отметить, что их расходы на НИОКР в виде собственных средств составляли 14 %. Возможности этих компаний, в том числе финансовые, ограничены для перехода на более значимые рынки инновационной продукции как внутри страны, так и за рубежом. На основе рейтинга «ТехУспех» формируется группа инноваторов, которые называются «национальными чемпионами».

Проблема зависимости от траектории предшествующего развития в выборе приоритетных направлений науки, технологий и техники оказывает сильное влияние на поведение акторов, претендующих на государственную поддержку для развития собственных инновационных проектов. Это связано с тем, что в предпринимательском секторе большая часть расходов на научные изыскания направлена на реализацию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в России (489,1 млрд руб., или 71,1 % в 2019 г.). При этом среди научных областей, которые финансируются государством, преобладают именно технические науки (92,6 %) [Ратай, 2021]. Так как государство определяет и контролирует направления инновационной деятельности, для получения поддержки инноваторы могут проявлять оппортунистическое поведение, приспособляясь к одному из приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и имея низкую мотивацию к инновационной деятельности.

Как уже упоминалось выше, самым крупным источником финансирования инновационной деятельности в России остаются государственные средства. Несмотря на то, что существуют негосударственные институты развития инноваций, их вклад в финансирование инновационных проектов незначителен. Кроме того, некоторые из этих институтов также являются партнерами государственных фондов или крупных корпораций с государственным участием. Так, например, негосударственный институт развития «Иннопрактика»,

который реализует проекты, направленные на рост национального человеческого капитала и инновационного потенциала, среди партнеров имеет такие организации, как Фонд содействия инновациям, ВЭБ.РФ, «Роснефть», «Росатом», «Газпром» и др.¹

Многие фирмы испытывают нехватку финансовых ресурсов для внедрения инноваций, в связи с чем спрос на государственное финансирование особенно увеличивается. Так, например, акторы российской инновационной системы в условиях пандемии COVID-19 в своих нарративах отмечают: *«Исходя из острой нехватки частных средств на разработку и продвижение инициативных проектов во многих отраслях, в 2020 году резко повысилась роль государства в финансировании инноваций. Однако государство финансирует не всех инноваторов, а только приоритетные с его точки зрения разработки – в основном это те продукты, которые оказались наиболее востребованы в пандемийном году»* [Грязневич, 2021].

В условиях высокорисковой природы инновационных проектов, неразвитой инновационной среды, низкого уровня доверия между акторами РИС частные компании не имеют достаточных стимулов для инновационной деятельности и нуждаются в государственной поддержке [Симачев, Кузык, 2021]. Однако существующее государственное управление российской инновационной системой порождает монопольные проявления в доступе к финансовым ресурсам. Господдержка представляет собой обладание административными монополиями, которые получают компании-инноваторы, если им удастся пройти конкурсный отбор. Формируется «искусственная конкуренция» за административные монополии, которая состоит из финансовых (субсидии, гранты, беспроцентные ссуды) и управленческих (снятие ограничений или барьеров для инновационной деятельности, создание инновационной инфраструктуры, льготный налоговый и таможенный режим и др.) ресурсов.

Различные органы исполнительной власти, ведомства, научные и образовательные учреждения разрабатывают и определяют стратегические направления инновационной деятельности, что, в свою очередь, может способствовать формированию административных рисков при распределении государственной поддержки в виде финансовых и управленческих ресурсов, а также вызвать лоббистские проявления со стороны бизнеса.

В российской инновационной системе государство не становится партнером по созданию и развитию инноваций, а осуществляет управление инновациями на монополистических принципах, принуждая инноваторов конкурировать за административный ресурс. При этом во избежание финансовых рисков и потерь государство стремится поддерживать прежде всего

¹ Данные негосударственного института развития «Иннопрактика» (<https://innopraktika.ru/>).

успешные, опытные компании, которые уже занимают лидерские позиции [Рудь, Власова, Вонортас, 2021]. Наибольшую государственную помощь получают крупные компании (включая компании с госучастием), которые стремятся сохранить доступ к административным ресурсам. Однако эти компании обладают низким уровнем инновационной активности [Дежина, Пономарев, 2020, с. 35], для них характерна в основном административная мотивация, а их технологические компетенции не соответствуют потребностям рынка. Согласно рейтингу инновационных компаний, среди российских представителей, по версии «Эксперт-РА», только 3 крупные компании из 600 имеют расходы на инновационную деятельность в выручке выше 3,5 % и соответствуют мировому уровню [Дежина, Пономарев, 2020]. Кроме того, получение доступа к административным монополиям порождает «иждивенческий эффект»: компании начинают замещать собственные средства для развития инноваций государственными ресурсами, что также дестимулирует инновационную активность.

Одним из значимых факторов получения господдержки является сотрудничество с научными организациями и вузами. Государство в некоторой степени «подталкивает» компании вступать в научно-производственную кооперацию. Но, как показывают исследования, такая кооперация оставляет у компаний недовольство качеством предлагаемых работ и услуг [Симачев, Кузык, 2021]. Более того, подобное сотрудничество через «принуждение» впоследствии носит кратковременный характер и прекращается по истечении срока действия договоров или финансирования проекта. Следует также добавить, что в России при распределении государственной поддержки реализуется модель «обменов» между административными органами и бизнес-сообществом. Так, государство оказывает финансовую поддержку крупным компаниям, которые в ответ помогают развивать социально значимые проекты на различных уровнях [Яковлев, Ершов, Уварова, с. 53]. Таким образом, названные решения представляют собой своеобразную форму социальной ответственности бизнеса в сфере инноваций, навязанную государством. Очевидно, что подобные формы взаимодействия только увеличивают барьеры между инноваторами и научно-образовательными организациями.

В российской инновационной системе наблюдается экономический парадокс: государство не способствует формированию конкурентной среды среди инноваторов, а порождает «искусственную конкуренцию» за административные монополии. Нивелировать это негативное явление можно через активизацию деятельности малых и средних инноваторов, так как они обладают техническими, производственными и управленческими преимуществами и имеют сильную мотивацию. Как отмечают российские эксперты, имен-

но эти компании обеспечат будущее РИС [Дюжева, Семачев, Медовников, 2019]. Их небольшие размеры способствуют большей гибкости и адаптации на инновационном рынке, быстрому внедрению и коммерциализации новых технологий, реагированию на внешние и внутренние потребности инновационного рынка. Приведем в качестве примера нарратив одного из акторов РИС, который ярко иллюстрирует преимущества малых и средних инноваторов: *«Крупные корпорации, хоть и имеют свои качественные R&D-центры, но они не покрывают весь спектр потребностей рынков. К тому же они очень неповоротливы. В этой связи малые КБ и технологические группы имеют большой шанс, особенно в IT, где они наиболее мобильны и быстро отвечают на запросы рынка»* [Грязневич, 2021].

Спустя почти 25 лет российская инновационная система все еще находится на стадии формирования: наблюдаются слабая эффективность институтов, отсутствие благоприятной среды для развития инноваций, низкий спрос на инновации со стороны бизнеса и потребителей, отсутствие критической массы стартапов и потенциальных инвесторов [Кузнецов, 2017, с. 17]. В данных условиях господдержка становится «токсичной», так как вместо того, чтобы создавать конкурентную среду для развития инноваций, выступать в качестве партнера для акторов инновационной деятельности, государство проявляет избыточный контроль и чрезмерный бюрократизм. Вместо устранения административных барьеров государственные органы, наоборот, усиливают «зарегулированность» рынка инноваций. Основываясь на результатах количественного и качественного анализа 800 российских компаний, получавших финансирование от Фонда содействия инновациям, исследователи отмечают, что, несмотря на профессионализм и эффективность работы Фонда, респонденты часто критиковали именно бюрократические процедуры в ходе подготовки и реализации проектов [Дежина, Медовников, Розмирович, 2019].

Озабоченность в связи с названными недостатками выражают не только российские компании, но и представители органов государственной власти. Так, заместитель директора департамента стратегии и инноваций Минэкономразвития РФ Егор Шипицын, курирующий в министерстве тему «национальных чемпионов» и быстрорастущих инновационных компаний, в своем дискурсе указывает: *«Пока существует множество документов, которые регулируют взаимодействие государства и компаний с госучастием, инновационная политика предстает в виде массы протоколов: один сменяет другой, улучшает, совершенствует и так далее. Это невозможно даже изучить ни за сутки, ни за двое. И в министерстве хотели бы всю эту деятельность каким-то образом кодифицировать, может быть, в рамках одного, мак-*

симум двух актов, заложив все точки опоры по взаимодействию компаний с госучастием, в том числе с компаниями-нацемпионами» [Механик, 2021].

Негативное воздействие чрезмерной бюрократизации, административных барьеров, несовершенства законодательной базы проявляется прежде всего в снижении стимулов российских компаний к активизации инновационной деятельности, так как увеличиваются транзакционные издержки, связанные с участием в конкурсных отборах для государственного финансирования, получением различных разрешений, льгот и лицензий. В этих условиях акторы РИС испытывают трудности в доступе к финансовым и управленческим ресурсам, а также в коммерциализации и массовом распространении инновационных продуктов на российском и зарубежных рынках.

Особую озабоченность у акторов вызывает чрезмерный контроль, бюрократическое давление, а также риски административного и уголовного преследования со стороны государства. При реализации инновационной политики наблюдается конфликт между целями государства. С одной стороны, оно стремится развивать инновационную деятельность и стимулировать инновационную активность компаний через государственное финансирование, а с другой стороны, хочет минимизировать риски при реализации инновационных проектов, которые имеют долгие сроки окупаемости и высокорисковую природу.

В управлении риском инвестиционного портфеля, в том числе в технологической деятельности, существует принцип «3 + 3 + 3 + 1», согласно которому из 10 команд венчурного фонда три полностью разорятся, три выйдут в ноль, три смогут дать маленькую прибыль и только один окупит все издержки и принесет значительную прибыль инвестору [Кузнецов, 2017, с. 17].

Во всем мире государству приходится рисковать больше, чем частному инвестору, чтобы поддержать развитие инновационной деятельности, но российское правительство не учитывает специфики венчурных проектов, оно не хочет ошибаться, терять денежные вложения и, в конечном счете, перекладывает все риски и ответственность за неудачные инвестиции на руководителей инновационных компаний. Так, ряд акторов российской инновационной системы отметили в своих нарративах: «В нашей стране очень высока плата за ошибки. Это связано в первую очередь со стоимостью ресурсов, которые привлекаются в виде капиталовложений и инвестиций на стадии запуска. Она несоизмеримо выше по сравнению с американскими или другими моделями, где вы можете получить грант на три миллиона долларов, у вас ничего не получится, но факт получения вами гранта и одной ошибки ничего в вашей жизни не решает. Вы просто идете за следующим грантом для нового проекта. У нас, если вы ошиблись – система вас отбраковывает. Наша система отбраковала бы и Стива Джобса на стадии запуска

им своих проектов, и он никогда бы никаких компьютеров здесь не собрал» [Переседов, 2017]. Некоторые инновационные компании опасаются расширять свою деятельность или обращаться за поддержкой к государству, так как это может сделать их заметными для контролирующих органов и других компаний и иметь негативные последствия: дополнительные проверки, рейдерство, промышленный шпионаж и т. д. «Многие компании отказываются от государственных денег, потому что следом за ними приходят суровые люди и начинают проверки. В итоге деньги залеживаются, что трактуется уже как неэффективность». «Так устроено законодательство, что за восемь неудач [венчурного инвестирования] с бюджетными деньгами можно получить суммарно 20 лет» [Соколов, 2021].

Наряду с вышеперечисленными «провалами» государственного управления российской инновационной системы следует отметить также проблему фрагментарности самой системой, отсутствие целостного «организма» управления, который позволил бы создать эффективные взаимосвязи между акторами инновационной деятельности, обеспечить комплементарность институтов развития. Как отмечают многие акторы, РИС характеризуется несогласованной и дисперсной моделью управления. Приведем в качестве примера несколько нарративов, касающихся формирования и функционирования инновационной системы: «Система складывалась и начинала функционировать довольно хаотично»; «Инновационная система должна быть сбалансированной: отдельные части – вписываться в целое. Но единого плана не было. Мы периодически заимствовали институты за рубежом, причем под конкретных персон, и при этом игнорировали свои успешные технокомпании среднего звена» [Соколов, 2021].

Применяемая российской инновационной системой модель управления препятствует созданию базовых импульсов для развития конкурентной среды и спроса на инновационную продукцию. Кроме того, фрагментарность или раздробленность элементов РИС снижает ее потенциал и мешает быстрому принятию управленческих решений, создает дополнительные административные барьеры, повышает транзакционные издержки акторов для решения организационно-управленческих вопросов. «Каждый должен заниматься своим делом: инноватор – создавать инновации, брокер – доводить их до рынка, венчурный инвестор – финансировать, корпорация – формировать заказ. Когда все пытаются заниматься всем, результата, как правило, нет» [Грязневич, 2021].

Инновационный процесс можно представить как итоговый результат взаимодействия между различными акторами инновационной деятельности, которые обладают разными компетенциями, возможностями, интересами, а иногда и целями [Коверзнев, 2018]. Задача государственного управления также состоит в

том, чтобы согласовать действия всех участников инновационного процесса, обеспечить сотрудничество различных институтов развития инноваций. Акторы в своих нарративах в качестве одной из причин неэффективности научных разработок и технологий отмечают «отсутствие горизонтальных связей между бизнесом, наукой и государством» [Грязневич, 2021]. Проблема взаимодействия затрагивает всех акторов, а также уровни реализации инновационной деятельности: «Не создано механизма взаимодействия крупных и даже средних российских заказчиков с малыми инновационными предприятиями, малыми КБ. И новаторы в этом отчасти сами разработчики технологий. Ни маркетинга, ни финансов, ни инвестиций в головах у основателей этих малых КБ и специалистов нет» [Грязневич, 2021].

Несогласованная и дисперсная модель управления, а также различные бюрократические барьеры российской инновационной системы порождают низкую скорость реализации инновационных проектов. Показатель скорости связан с такой характеристикой результативности инновационных процессов, как «инновационный лаг» – период времени от момента возникновения инновационной идеи до ее воплощения в практическую деятельность с последующим получением экономического эффекта [Рупосов, Осипова, Чернышенко, 2011, с. 266]. Чем быстрее актор инновационной деятельности разработает нововведение, коммерциализирует его, тем скорее он получит прибыль, окупит инвестиции и займет соответствующую рыночную нишу. В условиях нарастающих бизнес-процессов и быстрой смены общественных потребностей низкая скорость реализации инновационных проектов становится одной из значимых проблем [Желткова, 2012]. «В пример можно привести трагическую для РОСНАНО историю – поликремний. Когда мы начинали строить поликремниевый завод в Иркутской области, в Китае практически отсутствовало аналогичное производство. На момент, когда мы свой завод построили, Китай ввел в работу производства, которые по мощности сопоставимы с объемом всего мирового рынка. Само собой, рынок катастрофически рухнул, а десятки крупнейших компаний обанкротились. И наш проект вместе с ними: начинали с цены 400 долларов за килограмм поликремния, а закончили 16 долларами. 25-кратного снижения было не выдерживать, в итоге проект оказался неудачным» [Доронин, 2014].

Указанная проблема не теряет своей актуальности на протяжении всего периода формирования российской инновационной системы вплоть до пандемии COVID-19. «Были сделаны мощные шаги вперед – принят специальный федеральный закон, создан фонд, приглашены высококлассные специалисты из-за рубежа. Но при этом Сколково физически не построили в нужные сроки. Любимое занятие любых наших бюд-

жетных проектов – строить, строить, строить. В итоге софт – виртуальные резиденты, университет оторвались от харда – исследовательской, образовательной и бытовой инфраструктуры» [Медовников, 2018]. «Идея интересна сегодня – завтра она может оказаться уже не востребованной. Обычно полный цикл R&D в нашей сфере длится лет 5, а НИОКР – 3 года. Но сегодня эти сроки уже выглядят долгими. 2020 год именно это и показал» [Грязневич, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XXI в. ведущие страны мира в сфере инноваций, такие как США, Китай, Япония, Великобритания, Израиль, вступили в конкурентную борьбу за дальнейшее технологическое развитие и лидерство на мировом рынке инноваций. Российская инновационная система отстает по множеству параметров от развитых стран, демонстрируя, с одной стороны, интеллектуальное превосходство, а с другой стороны – низкую результативность инновационной деятельности. Данная система испытывает на себе как влияние уже сложившейся институциональной среды, унаследованной частично от советской экономики, так и влияние современных модернизационных процессов, связанных с политикой догоняющего развития стран – лидеров на международном рынке. Однако подобная политика имеет ограниченную эффективность вследствие неблагоприятной институциональной среды для инновационной деятельности, некомплементарности институтов и механизмов государственного управления, а также приводит к низкой мотивации акторов к созданию и внедрению инноваций, что препятствует формированию спроса на инновационную продукцию и конкурентную среду.

Изучение «провалов» государственного управления инновационной системой, основанное на нарративном анализе, а также теоретических и практических исследованиях российских и зарубежных авторов, позволяет сделать вывод о том, что эти «провалы» так или иначе связаны с функционированием институциональной среды и обеспечением институциональных условий и инфраструктуры.

Безусловно, в России есть потенциал и ресурсы для дальнейшего развития РИС. Правительство пытается переосмыслить опыт прошлых лет и выработать новую эффективную стратегию инновационной активности. Так, например, государство разработало программу поддержки «национальных чемпионов», возглавляющих рейтинг российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспех» и в дальнейшем способных стать драйверами трансформационных исследований, которые активно развиваются и финансируются странами – лидерами на мировом инновационном рынке. Именно в этих исследованиях зарубежные страны видят потенциал для нового инновационного прорыва.

Большое значение для поддержки инновационной деятельности имеет снижение административных барьеров для средних и малых компаний, борьба с бюрократизацией и «зарегулированностью» инновационного рынка, выстраивание прозрачной системы государственной помощи и финансирования инновационных компаний, создание единого координирующего центра, который сможет регулировать, направ-

лять деятельность акторов инновационной системы, а также осуществлять взаимодействие всех институтов развития инноваций. Кроме того, необходимо пересмотреть приоритетные направления развития науки, технологий и техники, дополнить их актуальными и востребованными на мировом инновационном рынке направлениями инновационной деятельности. ■

Источники

- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум.
- Винслав Ю.Б. (2019). Национальная инновационная система: актуальность формирования, контуры концептуальной модели и интеграционные механизмы реализации // Российский экономический журнал. № 2. С. 3–31. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-2-3-31.
- Голиченко О.Г. (2014). Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. № 7. С. 35–50. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>.
- Гохберг Л. (2020). Государство лидирует по объему затрат на исследования. 15.12.2020. <https://rg.ru/2020/12/15/gossredstva-ostaiutsia-krupnejshim-istochnikom-finansirovaniia-nauki.html>.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Грязневич В. (2021) Инновационное ускорение. Пандемийный 2020 год дал толчок для развития российского R&D. <https://spb.plus.rbc.ru/news/607d929b7a8aa987c09a5e85>.
- Дежина И.Г. (2006). Механизмы государственного финансирования науки в России // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». № 99. С. 1–130.
- Дежина И.Г., Медовников Д.С., Розмирович С.Д. (2019). О государственной поддержке малых инновационных компаний Фондом содействия инновациям // Социологические исследования. № 11. С. 110–119. DOI: 10.31857/S013216250007447-4.
- Дежина И.Г., Пономарев А.К. (2020). От науки к технологиям: новые тренды государственной политики // Инновации. № 10. С. 30–40.
- Доронин Ф.А. (2014). Индустрия прорывов: интервью с председателем правления УК «Роснано» Анатолием Чубайсом. http://www.nanometer.ru/2014/11/12/anatolij_chubajs_442231.html.
- Друкер П.Ф. (2009). Бизнес и инновации. Москва: Вильямс. 432 с.
- Желткова О.В. (2012). Влияние конкуренции на инновационном рынке и инновационная привлекательность предприятия // Новый университет. Серия «Экономика и право». № 4 (14). С. 17–20.
- Клыпин А.В., Калужный К.А. (2015). Научно-технологические приоритеты России: проблемы формирования, корректировки и реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 45 (330). С. 18–33.
- Коверзнев О.В. (2018). Управление национальной инновационной системой Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. № 3. С. 18–21. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.3.3>.
- Кузнецов Е.Б. (2017). Проблемы перехода на инновационную модель экономики // Мир новой экономики. № 1. С. 15–28.
- Маццукато М. (2021a). Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. Москва: Высшая школа экономики. С. 274–276.
- Маццукато М. (2021b). Предпринимательское государство: развеем мифы о государстве и частном секторе // Экономическая социология. № 22 (2). С. 26–41.
- Медовников Д. (2018). Нам нужны великие частные компании. <https://pltf.ru/2018/04/02/nam-nuzhny-velikie-chastnye-kompanii/>.
- Медовников Д. (2020). «Стратегия инновационного развития» провалилась. Новую стратегию лучше пока не писать. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/22/835097-strategiya-innovatsionnogo>.
- Механик А. (2021). Высокотехнологический ответ кризису. <https://imi.hse.ru/news/465323276.html>.
- Переседов И. (2017). В России слишком велика плата за ошибки в инновациях. <http://2035.media/2017/04/03/gritzkih-interview/>.
- Петровская Ю.А., Щекина И.В. (2018). Реализация стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года: результаты и перспективы // Вестник НГУЭУ. № 4. С. 157–170.
- Ратай Т.В. (2021). Предпринимательский сектор науки в России и за рубежом. <https://issek.hse.ru/news/452498144.html>.
- Рудь В., Власова В., Вонортас Н. (2021). Деньги, институты, репутация: что стоит на пути инноваций. <https://www.hse.ru/news/expertise/469124890.html>.

- Рупосов В.Л., Осипова И.М., Чернышенко М.С. (2011). Методика определения размера инновационного лага для прогнозирования экономических показателей // Вестник ИрГТУ. № 11 (58). С. 266–270.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения // Вопросы экономики. № 6. С. 103–130. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-6-103-138>.
- Соколов А. (2021). Институты развития провалили инновации. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya>.
- Тамбовцев В.Л. (2018). Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. № 9. С. 70–94. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>.
- Яковлев А.А., Ершов Н.В., Уварова О.М. (2020). Каким фирмам государство оказывает поддержку: анализ изменения приоритетов в кризисных условиях // Вопросы экономики. № 3. С. 47–62. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-47-62>.
- Aghion P., Van Reenen J., Zingales L. (2013). Innovation and institutional ownership. *American Economic Review*, vol. 103, no. 1, pp. 277–304. <https://doi.org/10.1257/aer.103.1.277>.
- Alves C., Kvangraven I.H. (2020). Changing the narrative: Economics after Covid-19. *Review of Agrarian Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 147–163.
- Banerjee M., Zlatkin-Troitschanskaia O., Roeper J. (2020). Narratives and their impact on students' information seeking and critical online reasoning in higher education economics and medicine. *Frontiers in Education*, 5:570625. <https://doi.org/10.3389/FEDUC.2020.570625>.
- Beckert J., Bronk R. (2018). Uncertain futures: Imaginaries, narratives, and calculation in the economy. In: *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy*. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820802.001.0001>.
- Bush P.D. (1987). The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, no. 3, pp. 1075–1116. DOI: 10.1080/00213624.1987.11504697.
- Damodaran A. (2017). *Narrative and numbers: The value of stories in business*. Columbia University Press.
- Eliasz K., Spiegler R. (2020). A model of competing narratives. *American Economic Review*, vol. 110, no. 12, pp. 3786–3816. <https://doi.org/10.1257/AER.20191099>.
- Elsner W. (2012). The theory of institutional change revisited: The institutional dichotomy, its dynamic, and its policy implications in a more formal analysis. *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no. 1, pp. 1–44. DOI: 10.2753/jei0021-3624460101.
- Freitas G.V.R. (2021). Narrative economics and behavioral economics: Contributions to the behavioral insights on post-Keynesian theory. *Brazilian Journal of Political Economy*, vol. 41, no. 2, pp. 372–384. <https://doi.org/10.1590/0101-31572021-3191>.
- Hayek F. (2002). Competition as a discovery procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 5, no. 3, pp. 9–23. <https://doi.org/10.1007/s12113-002-1029-0>.
- Hédoin C. (2020). History, analytic narratives, and the rules-in-equilibrium view of institutions. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 50, issue 5, pp. 391–417. <https://doi.org/10.1177/0048393120903389>.
- Herrmann-Pillath C., Bau Macedo L.O. (2019). Narratives and economic policy: Theoretical explorations and the Brazilian case. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3404023>.
- Hsu C., Yu T., Chen S.-H. (2021). Narrative economics using textual analysis of newspaper data: New insights into the U.S. Silver Purchase Act and Chinese price level in 1928–1936. *Journal of Computational Social Science*, no. 4, pp. 761–785. <https://doi.org/10.1007/s42001-021-00104-0>.
- Jack C.D., Jones R., Burgin L., Daron J. (2020). Climate risk narratives: An iterative reflective process for co-producing and integrating climate knowledge. *Climate Risk Management*, vol. 29, 100239. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2020.100239>.
- Larsen V., Thorsrud L. (2018). *Business cycle narratives*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3130108.
- Laufer A.E., Jones M.D. (2021). Who pays for marine conservation? Processes and narratives that influence marine funding. *Ocean and Coastal Management*, vol. 203, 105504. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105504>.
- Lejano R.P., Nero S.J. (2020). The power of narrative. In: *The power of narrative*. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197542101.001.0001>.
- Maslov A., Volchik V. (2014). Institutions and lagging development: The case of the don army region. *Journal of Economic Issues*, vol. 48, no. 3, pp. 727–742. DOI: 10.2753/jei0021-3624480307.
- Mazzucato M. (2013) *The entrepreneurial state: Debunking Public vs. Private Sector Myths*, London: Anthem Press.
- Nelson R.R. (2018). *Economics from an evolutionary perspective. Modern evolutionary economics*. Cambridge University Press, pp. 1–34. DOI: 10.1017/9781108661928.001.
- Newman J.I., Xue H., Watanabe N.M., Yan G., McLeod C.M. (2020). Gaming gone viral: An analysis of the emerging esports narrative economy. *Communication & Sport*, September 25. <https://doi.org/10.1177/2167479520961036>
- Paugam L., Stolowy H., Gendron Y. (2021). Deploying narrative economics to understand financial market dynamics: An analysis of activist short sellers' rhetoric. *Contemporary Accounting Research*, vol. 38, issue 3, pp. 1809–1848. <https://doi.org/10.1111/1911-3846.12660>.
- Sacco P.L. (2020). 'There are more things in heaven and earth...' A 'narrative turn' in economics? *Journal of Cultural Economics*, vol. 44, no. 1, pp. 173–183. <https://doi.org/10.1007/s10824-020-09377-1>.
- Searle J.R. (1995). *The construction of social reality*. Simon and Schuster.
- Shiller R.J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, vol. 41, no. 3, pp. 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>.
- Shiller R.J. (2020). Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019. *Journal of Policy Modeling*, vol. 42, no. 4, pp. 791–798. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.03.005.

References

- Berger P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.
- Vinslav Yu.B. (2019). Natsional'naya innovatsionnaya sistema: aktual'nost' formirovaniya, kontury kontseptual'noy modeli i integratsionnyye mekhanizmy realizatsii [National innovative system: relevance of formation, contours of conceptual model and integration mechanisms of realization]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal – Russian Economic Journal*, no. 2, pp. 3–31. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-2-3-31.
- Golichenko O.G. (2014). Natsional'naya innovatsionnaya sistema: ot kontseptsii k metodologii issledovaniya [National innovation systems: From conception toward the methodology of analysis]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 35–50. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>.
- Gokhberg L. (2020). *Gosudarstvo lideruet po ob'emnu zatrat na issledovaniya* [The state is the leader in terms of research expenditures]. <https://rg.ru/2020/12/15/gossredstva-ostaiutsia-krupnejshim-istochnikom-finansirovaniia-nauki.html>.
- Graham L. (2014). *Lonely ideas: Can Russia compete?* (Russ. ed.: Smozhet li Rossiya konkurovat'? Istoriya innovatsiy v tsarskoy, sovetskoy i sovremennoy Rossii. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber).
- Gryaznevich V. (2021). *Innovatsionnoye uskoreniye. Pandemiynyy 2020 god dal tolchok dlya razvitiya rossiyskogo R&D* [Innovative acceleration. 2020 pandemic year gave impetus to the development of R&D in Russia]. <https://spb.plus.rbc.ru/news/607d929b7a8aa987c09a5e85>.
- Dezhina I.G. (2006). Mekhanizmy gosudarstvennogo finansirovaniya nauki v Rossii [Mechanisms of state financing of science in Russia]. In: *Nauchnye trudy Fonda «Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara»* [Proceedings of the Foundation "Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar"]. No. 99. Pp. 1–130.
- Dezhina I.G., Medovnikov D.S., Rozmirovich S.D. (2019). O gosudarstvennoy podderzhke malyykh innovatsionnykh kompaniy Fondom sodeystviya innovatsiyam [State support of small innovative companies by the fund for assistance to innovations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, no. 11, pp. 110–119. DOI: 10.31857/S013216250007447-4.
- Dezhina I.G., Ponomarev A.K. (2020). Ot nauki k tekhnologiyam: novye trendy gosudarstvennoy politiki [From science to technologies: New trends of government regulations]. *Innovatsii – Innovations*, no. 10, pp. 30–40.
- Doronin F.A. (2014). *Industriya proryvov: interv'y u s predsedatelem pravleniya UK «Rosnano» Anatolijem Chubaysom* [Breakthrough industry: Interview with Anatoly Chubais, Chairman of the Management Board of Rusnano Management Company]. http://www.nanometer.ru/2014/11/12/anatolij_chubajs_442231.html.
- Drucker P.F. (2009). *Innovation and entrepreneurship* (Russ. ed.: Biznes i innovatsii. Moscow: Vil'yams).
- Zheltkova O.V. (2012). Vliyaniye konkurentsii na innovatsionnom rynke i innovatsionnaya privlekatel'nost' predpriyatiya [The influence of competition on the innovation market and the innovative attractiveness of an enterprise]. *Novyy universitet. Seriya «Ekonomika i pravo» – New University. Series: Economics and Law*, no. 4(14), pp. 17–20.
- Klypin A.V., Kalyuzhnyy K.A. (2015). Nauchno-tekhnologicheskie priority Rossii: problemy formirovaniya, korrektyrovki i realizatsii [Scientific and technological priorities of Russia: Problems of formation, adjustment and implementation]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National Interests: Priorities and Security*, no. 45(330), pp. 18–33.
- Koverznev O.V. (2018). Upravleniye natsional'noy innovatsionnoy sistemoy Rossiyskoy Federatsii [National innovation system management in the Russian Federation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 18–21. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.3.3>.
- Kuznetsov E.B. (2017). Problemy perekhoda na innovatsionnyy model' ekonomiki [Problems of transition to an innovation model of economy]. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*, no. 1, pp. 15–28.
- Mazzucato M. (2021a). *The value of everything. Making and taking in the global economy* (Russ. ed.: Tsennost' vseh veshchey: Sozhanie i iz'yatiye v mirovoy ekonomike. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. Pp. 274–276).
- Mazzucato M. (2021b). Predprinimatel'skoye gosudarstvo: razveem mify o gosudarstve i chastnom sektore [The entrepreneurial state: Debunking public vs private sector myths]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*, no. 22(2), pp. 26–41.
- Medovnikov D. (2018). *Nam nuzhny velikie chastnye kompanii* [We need great private companies]. <https://pltf.ru/2018/04/02/nam-nuzhny-velikie-chastnyekompanii/>.
- Medovnikov D. (2020). «Strategiya innovatsionnogo razvitiya» provalilas! Novuyu strategiyu luchshe poka ne pisat' [The "Innovative Development Strategy" has failed. It is better not to write a new strategy yet]. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/22/835097-strategiya-innovatsionnogo>.
- Mekhanik A. (2021). *Vysokotekhnologicheskiiy otvet krizisu* [A high-tech response to the crisis]. <https://imi.hse.ru/news/465323276.html>.
- Peresedov I. (2017). *V Rossii slizhkom velika plata za oshibki v innovatsiyakh* [In Russia, the price for mistakes in innovations is too high]. <http://2035.media/2017/04/03/gritzkihinterview/>.
- Petrovskaya Yu.A., Shchekina I.V. (2018). Realizatsiya strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: rezul'taty i perspektivy [Implementation of the innovative development strategy of the Russian Federation up to 2020: Results and prospects]. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*, no. 4, pp. 157–170.
- Ratay T.V. (2021). *Predprinimatel'skiy sektor nauki v Rossii i za rubezhom* [Entrepreneurial science sector in Russia and abroad]. <https://issek.hse.ru/news/452498144.html>.
- Rud' V., Vlasova V., Vonortas N. (2021). *Den'gi, instituty, reputatsiya: chto stoit na puti innovatsiy* [Money, institutions, reputation: What stands in the way of innovation]. <https://www.hse.ru/news/expertise/469124890.html>.

- Ruposov V.L., Osipova I.M., Chernyshenko M.S. (2011). Metodika opredeleniya razmera innovatsionnogo laga dlya prognozirovaniya ekonomicheskikh pokazateley [Methodology for determining the size of the innovation lag for predicting economic indicators]. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*, no. 11(58), pp. 266–270.
- Simachev Yu.V., Kuzyk M.G. (2021). Vzaimodeystvie rossiyskogo biznesa s naukoj: tochki soprikosnoveniya i kamni pretkoveniya [Interaction of Russian business with science: Points of contact and stumbling blocks]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 103–130. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-6-103-138>.
- Sokolov A. (2021). *Instituty razvitiya provalili innovatsii* [Development institutions have failed innovation]. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya>.
- Tambovtsev V.L. (2018). Innovatsii i kul'tura: vazhnost' metodologii analiza [Innovations and culture: Importance of the analysis methodology]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 70–94. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>.
- Yakovlev A.A., Ershov N.V., Uvarova O.M. (2020). Kakim firmam gosudarstvo okazyvaet podderzhku: analiz izmeneniya prioritetov v krizisnykh usloviyakh [What kind of Russian firms get state support? The analysis of changes in priorities under crisis conditions]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 47–62. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-47-62>.
- Aghion P., Van Reenen J., Zingales L. (2013). Innovation and institutional ownership. *American Economic Review*, vol. 103, no. 1, pp. 277–304. <https://doi.org/10.1257/aer.103.1.277>.
- Alves C., Kvangraven I.H. (2020). Changing the narrative: Economics after Covid-19. *Review of Agrarian Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 147–163.
- Banerjee M., Zlatkin-Troitschanskaia O., Roeper J. (2020). Narratives and their impact on students' information seeking and critical online reasoning in higher education economics and medicine. *Frontiers in Education*, 5:570625. <https://doi.org/10.3389/FEDUC.2020.570625>.
- Beckert J., Bronk R. (2018). Uncertain futures: Imaginaries, narratives, and calculation in the economy. In: *Uncertain Futures: Imaginaries, Narratives, and Calculation in the Economy*. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820802.001.0001>.
- Bush P.D. (1987). The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, no. 3, pp. 1075–1116. DOI: 10.1080/00213624.1987.11504697.
- Damodaran A. (2017). *Narrative and numbers: The value of stories in business*. Columbia University Press.
- Eliasz K., Spiegler R. (2020). A model of competing narratives. *American Economic Review*, vol. 110, no. 12, pp. 3786–3816. <https://doi.org/10.1257/AER.20191099>.
- Elsner W. (2012). The theory of institutional change revisited: The institutional dichotomy, its dynamic, and its policy implications in a more formal analysis. *Journal of Economic Issues*, vol. 46, no. 1, pp. 1–44. DOI: 10.2753/jei0021-3624460101.
- Freitas G.V.R. (2021). Narrative economics and behavioral economics: Contributions to the behavioral insights on post-Keynesian theory. *Brazilian Journal of Political Economy*, vol. 41, no. 2, pp. 372–384. <https://doi.org/10.1590/0101-31572021-3191>.
- Hayek F. (2002). Competition as a discovery procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 5, no. 3, pp. 9–23. <https://doi.org/10.1007/s12113-002-1029-0>.
- Hédoin C. (2020). History, analytic narratives, and the rules-in-equilibrium view of institutions. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 50, issue 5, pp. 391–417. <https://doi.org/10.1177/0048393120903389>.
- Herrmann-Pillath C., Bau Macedo L.O. (2019). Narratives and economic policy: Theoretical explorations and the Brazilian case. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3404023>.
- Hsu C., Yu T., Chen S.-H. (2021). Narrative economics using textual analysis of newspaper data: New insights into the U.S. Silver Purchase Act and Chinese price level in 1928–1936. *Journal of Computational Social Science*, no. 4, pp. 761–785. <https://doi.org/10.1007/s42001-021-00104-0>.
- Jack C.D., Jones R., Burgin L., Daron J. (2020). Climate risk narratives: An iterative reflective process for co-producing and integrating climate knowledge. *Climate Risk Management*, vol. 29, 100239. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2020.100239>.
- Larsen V., Thorsrud L. (2018). *Business cycle narratives*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3130108.
- Laufer A.E., Jones M.D. (2021). Who pays for marine conservation? Processes and narratives that influence marine funding. *Ocean and Coastal Management*, vol. 203, 105504. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105504>.
- Lejano R.P., Nero S.J. (2020). The power of narrative. In: *The power of narrative*. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197542101.001.0001>.
- Maslov A., Volchik V. (2014). Institutions and lagging development: The case of the don army region. *Journal of Economic Issues*, vol. 48, no. 3, pp. 727–742. DOI: 10.2753/jei0021-3624480307.
- Mazzucato M. (2013) *The entrepreneurial state: Debunking Public vs. Private Sector Myths*, London: Anthem Press.
- Nelson R.R. (2018). *Economics from an evolutionary perspective. Modern evolutionary economics*. Cambridge University Press, pp. 1–34. DOI: 10.1017/9781108661928.001.
- Newman J.I., Xue H., Watanabe N.M., Yan G., McLeod C.M. (2020). Gaming gone viral: An analysis of the emerging esports narrative economy. *Communication & Sport*, September 25. <https://doi.org/10.1177/2167479520961036>.
- Paugam L., Stolowy H., Gendron Y. (2021). Deploying narrative economics to understand financial market dynamics: An analysis of activist short sellers' rhetoric. *Contemporary Accounting Research*, vol. 38, issue 3, pp. 1809–1848. <https://doi.org/10.1111/1911-3846.12660>.
- Sacco P.L. (2020). 'There are more things in heaven and earth...' A 'narrative turn' in economics? *Journal of Cultural Economics*, vol. 44, no. 1, pp. 173–183. <https://doi.org/10.1007/s10824-020-09377-1>.
- Searle J.R. (1995). *The construction of social reality*. Simon and Schuster.
- Shiller R.J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, vol. 41, no. 3, pp. 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>.

Shiller R.J. (2020). Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019. *Journal of Policy Modeling*, vol. 42, no. 4, pp. 791–798. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.03.005.

Информация об авторах**Information about the authors****Вольчик Вячеслав Витальевич**

Доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории. Южный федеральный университет (344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: volchik@sfedu.ru.

Фурса Елена Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории. Южный федеральный университет (344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: efursa@sfedu.ru.

Маслюкова Елена Васильевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической кибернетики. Южный федеральный университет (344006, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: maslyukova@sfedu.ru.

Vyacheslav V. Volchik

Dr. Sc. (Econ.), Head of Economic Theory Dept. Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia). E-mail: volchik@sfedu.ru.

Elena V. Fursa

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Economic Theory Dept. Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia). E-mail: efursa@sfedu.ru.

Elena V. Maslyukova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of Economic Cybernetics Dept. Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia). E-mail: maslyukova@sfedu.ru.